

— ✦ Бархтян Родион ✦ —

ЧЕРЕЗ ВЕКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Родион Барахтян

Через века

«Автор»

2026

Барахтян Р.

Через века / Р. Барахтян — «Автор», 2026

1941 год. Война уже изменила привычный мир, но для Алексея и Маши всё ещё существует маленький уголок, где есть только они, бескрайняя степь и свет далёкой Луны. Они ещё не знают, что судьба вскоре разлучит их. Перед расставанием Алексей даёт Маше обещание: Он найдёт её. Даже если для этого понадобятся века. Проходят десятилетия. В другом времени живёт Илья — восемнадцатилетний музыкант, не подозревающий, что его прошлое ещё не закончено. Однажды он встречает Анну. Её голос, взгляд и странное чувство близости пробуждают в нём обрывки чужих воспоминаний и давно забытых чувств. Анна тоже ощущает необъяснимую связь, будто знает Илью всю жизнь. Но вокруг них сгущаются опасные обстоятельства: тайны, страх, власть и люди, готовые разрушить их судьбы. Чем ближе они становятся, тем сильнее ощущение, что их встреча predetermined. Ведь некоторые обещания переживают время. Некоторые чувства не исчезают. А Луна помнит всё.

© Барахтян Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I.	5
Глава II.	10
Глава III.	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Родион Барахтян

Через века

Глава I.

Мой свет.

Утро в селе начиналось не с будильников, а с петухов, да скрипом телег на просёлочной дороге. Воздух ещё хранил прохладу ночи, и из-за старых тополей тянуло влажной свежестью — той самой, что бывает только перед настоящим летним зноем. Лёша уже стоял на крыльце, застёгивая потёртую гимнастёрку. Он любил это утро — простое, тихое, родное.

Деревня будто жила своим размеренным дыханием. Из соседнего двора доносился звон ведра, женские голоса перекликались у колодца, где кто-то сплетничал, кто-то просто ждал свою очередь. Лёша улыбнулся краем губ — всё как всегда. Он подхватил из сеней сапоги, сунул руки в рукава, и направился к амбару — там с вечера нужно было перебрать мешки с зерном.

Он шёл по тропинке, слегка пинал комья земли носком сапога и думал — о чём, сам не знал. Просто о жизни. О том, что скоро ему девятнадцать, а он всё ещё тут, в этой тишине, где каждая собака знает его по шагам.

Но было в этом всё что-то хорошее. Чистое.

— Эй, Лёш, подожди! — донёсся звонкий голосок.

Он обернулся — по дороге бежал мальчишка лет двенадцати, белобрысый, в коротких штанах, в которых уже стояли заплатки. Мальца звали Колькой — местный бедолага, сирота. Лёша часто замечал, как его дразнили ребята постарше.

— Чего случилось, Коль? — спросил он, когда тот, запыхавшись, добежал.

— Они... они опять! — мальчик ткнул пальцем за спину, туда, где за сараем мелькали три силуэта. — За курицу! Я ж не брал, Лёш, честно не брал!

Лёша только вздохнул, положил руку на его плечо.

— Сиди тут.

Он двинулся в сторону ребят. Те, завидев его, попытались разойтись, но вид у Лёши был серьёзный — такой, что разговором дело не закончится.

— Ну и чего вы, орлы, опять? — сказал он спокойно, но в голосе сквозил холодок. — Силой над малым свою храбрость показываете?

— Да мы ж... — начал один, пониже ростом, но осёкся.

Лёша шагнул ближе.

— А ну марш по домам, пока я вам ремня не навешал.

Тон был не злой — просто твёрдый. Настолько, что пацаны сразу поняли — лучше не спорить. Они, опустив головы, пошли прочь. Лёша дождался, пока они скроются за углом, потом вернулся к Кольке.

— Ну что, живой? — спросил он с улыбкой.

— Ага... спасибо тебе, Лёш...

— Ничего. Только запомни, Коль: когда тебя гонят — не убегай. Глаза подними, стой ровно. Пусть знают, что ты человек. Понял?

Мальчик кивнул. И на лице его впервые появилась настоящая улыбка. Лёша взъерошил ему волосы, а потом, посмотрев на небо, сказал, будто самому себе:

— День-то сегодня хороший будет... чувствую.
Он даже не знал, насколько прав окажется.

В другой деревне, через луг да по ту сторону старой просёлочной дороги, начиналось утро совсем иначе. Здесь оно было не столько шумное, сколько певучее — с тонким звоном ведёр, шёпотом травы и журчанием речки, куда уже спешили девушки с коромыслами.

Маша шла медленно, будто не хотела тревожить это утро. На плечах у неё лежало деревянное коромысло, а в руках покачивались два пустых ведра, тихо звеня по такт её шагам. На щеках — румянец, в волосах — несколько выбившихся прядей, что блестели на солнце как золото.

Она не просто шла — будто плыла, и даже этот простой путь к речке выглядел как танец.

Маша была творческой натурой, хоть в деревне и не понимали, что это значит. Она могла нарисовать углём на старой доске цветок, вышить на платке целое поле, или, засмотревшись на облака, вдруг запеть. Её часто дразнили за это — “мечтательница”, “в облаках живёт” — а мать вздыхала, глядя, как дочь снова на коленке чертит рисунок палочкой по земле.

Но Маша не обижалась. Просто улыбалась.

У речки уже стояли две девушки, болтая и смеясь. А чуть поодаль — парень, долговязый, с красной косынкой на шее.

— Маш, дай помогу, — сказал он, когда она подошла. — Ведра тяжёлые, уронишь ещё. Она посмотрела на него с лёгкой усмешкой:

— Не уроню, Стёп. Я с ними каждый день хожу.

— Да ладно тебе, чего упрямисься, — он шагнул ближе, но она отступила.

— Не надо, — ответила она мягко, но твёрдо. — У меня руки не из теста, донесу.

Парень хотел что-то сказать, но по её взгляду понял — лучше не спорить. Слегка нахмурился и, сплюнув в траву, ушёл к своим.

Маша наполнила ведро, присела на корточки у самой воды. Солнце блестело в волнах, а лёгкий ветер гладил поверхность реки, будто кто-то невидимый проходил по ней рукой.

Она зачерпнула ладонью воду — прохладную, живую, и задумалась.

Иногда ей казалось, что в этой тишине слышен сам мир — как будто где-то далеко, за горизонтом, кто-то шепчет, зовёт, обещает что-то великое.

Она не знала, что именно, но сердце отзывалось.

— Чего ты улыбаешься? — спросила одна из девушек.

— Да так... просто утро хорошее, — ответила Маша.

Она поднялась, закинула коромысло на плечи и пошла обратно, тихонько напевая себе под нос. Песня была без слов, но от неё становилось светло на душе.

И если бы кто-нибудь в ту минуту стоял на другой стороне луга, то увидел бы, как в лучах солнца идёт девчонка с ведрами, а за ней, словно дорожка, тянется золотой след.

Работа у Лёши в тот день шла споро. Он был из тех парней, кто делает всё быстро и честно, без лишних разговоров. После случая с Колькой он вернулся к делу — перетаскал

мешки, помог старосте чинить забор у конюшни, да ещё успел заглянуть к соседке — поднять упавшую дровницу. Вроде бы мелочи, а день уже клонится к полудню.

Мать, заметив, как сын вытирает лоб и глядит вдаль, только усмехнулась.

— Что, опять туда? — спросила она, ставя на лавку миску с парным молоком.

— Ага, — коротко ответил он, наливая себе стакан.

— Ты бы хоть передохнул, Лёш, — сказала мягко. — С утра на ногах.

— Да успею, мама. Я только к Маше — на часок.

Мать посмотрела внимательно, с той самой улыбкой, что бывает у женщин, давно понявших, что сын вырос.

— Ну иди, иди... только не до ночи, а то опять всю издегаюсь.

Лёша подошёл, поцеловал её в висок.

— Обещаю, до звёзд вернусь.

И уже через несколько минут он бежал по пыльной дороге, держа в руке шапку, чтобы не сдувало ветром. Дорога в соседнюю деревню была неблизкая — через луг, через перелесок и мосток над речкой, но он знал каждый поворот, каждую кочку.

Солнце било в спину, степь гудела шмелями, над головою плыли белые облака. Где-то вдали звенели косы, кто-то выгонял скот на выпас, а сердце у Лёши било так, будто он мчался не просто к девушке, а к самому смыслу жизни.

Он всегда так чувствовал, когда думал о Маше.

С ней всё было по-другому — мир будто становился светлее, звуки яснее, а воздух слаще.

На опушке он остановился перевести дух. Отсюда уже виднелись первые крыши Машинной деревни.

Лёша выпрямился, поправил гимнастёрку, отряхнул сапоги.

— Ну что, Лёша, вперёд, — пробормотал он и пошёл быстрым шагом.

Во дворе Машинного дома пахло хлебом и сеном. Мать Маши, женщина строгая, но добрая, стояла у колодца и тёрла бельё. Увидев парня, прищурилась, но в глазах мелькнула тёплая усмешка.

— Здравствуй, Алексей, — сказала она. — Опять к нам, значит?

— Здравствуйте, тётя Вера, — улыбнулся он. — Можно Машу позвать?

— А ты хоть что-нибудь ел? — спросила она, вытирая руки.

— Ел, ел, честное слово, — засмеялся он.

— Ладно уж, иди. Только чтобы без глупостей там.

— Мы ж просто погуляем, — ответил он, и в голосе его звенела искренняя радость.

Он обошёл дом, и сердце будто подпрыгнуло — из-за угла уже выбежала Маша, с той самой улыбкой, что могла затмить весь мир.

— Лёша! — крикнула она, подбегая. — Я уж думала, не придёшь.

— Как не прийти, — ответил он, глядя ей в глаза. — Ты же знаешь — без тебя день не день.

Она рассмеялась, легко толкнула его в плечо и, схватив за руку, потянула за собой.

— Пошли! Я покажу тебе одно место — там ромашки расцвели!

И они побежали вдоль тропинки, в сторону степи, где ветер гулял в высокой траве и где начиналось их маленькое, вечное счастье.

Степь встречала их широким дыханием. Трава, чуть колышась под ветром, шептала что-то своё, древнее. Солнце стояло уже высоко, золотя каждую травинку, а над ними медленно плыли облака, похожие на белые паруса.

Маша и Лёша шли босиком — сапоги оставили у кромки поля. Земля была тёплой, мягкой, и от каждого шага поднимался лёгкий запах пыли и полыни.

— Вот видишь? — сказала Маша, остановившись у зарослей ромашек. — Я ведь говорила, что они тут расцвели.

Лёша присел, сорвал одну и протянул ей.

— Похожа на тебя. Тоже упрямая и светлая.

Она засмеялась, покачала головой.

— Если я ромашка, то ты... — она задумалась, потом хитро улыбнулась. — Тогда ты полынь. Горький, но без тебя всё не так пахнет.

Он притворно нахмурился, но глаза его улыбались.

— Ну спасибо... горький, значит.

— Не ворчи, — поддразнила она. — Мне полынь нравится.

Некоторое время они шли молча. Маша то подпрыгивала, то останавливалась, чтобы сорвать цветок, то начинала что-то рассказывать, — про соседку, про то, как вчера утёнок забрался в печь, — а Лёша просто слушал, улыбаясь. С ней всё было просто. Даже тишина между ними не была неловкой — она была живой, как дыхание ветра.

— Лёш, — вдруг сказала она, присев в траву, — а ты когда-нибудь думал, что будет потом? Ну... лет через десять?

Он сел рядом, глядя вдаль.

— Потом? Не знаю. Война вроде бы где-то идёт, но далеко. Может, и до нас не дойдёт... — он на мгновение задумался. — А если дойдёт, то я всё равно вернусь.

Маша посмотрела на него, и на мгновение её лицо стало серьёзным.

— А если не вернёшься?

Он повернулся к ней.

— Тогда я всё равно найду тебя. Через века, через всё, что есть. Пусть хоть мир десять раз изменится — я всё равно тебя найду.

Она долго молчала. Потом улыбнулась и тихо сказала:

— Обещай.

Он протянул руку, и их пальцы переплелись.

— Обещаю.

Ветер мягко шевельнул траву, будто подслушал и запомнил эти слова.

А потом всё снова стало простым. Маша сорвала веночек из ромашек и надела ему на голову. Лёша фыркнул, но не снял. Она смеялась, пока он пытался выглядеть серьёзным, и даже солнце будто стало ярче от их смеха.

Вечером, когда они возвращались домой, степь уже дышала прохладой. Воздух пах сеном и рекой. Они шли медленно, молчали, но оба знали — этот день останется в них навсегда.

И никто тогда не знал, что всего через месяц этот тихий мир сгорит в огне, и обещание, данное среди ромашек, станет смыслом всей жизни.

Глава II.

Когда небо стало красным.

День начался как обычно. Никто тогда не знал, что мир уже треснул.

Лёша, как всегда, работал в поле — солнце пекло, лошади фыркали, и над степью звенела жара. Воздух дрожал, пыль поднималась под сапогами, и казалось, что так будет всегда: хлеб, работа, пот и тихая радость от простой жизни.

Он как раз поправлял сбрую, когда к ним подбежал парень из соседнего колхоза, весь взмыленный, глаза круглые, голос сорванный.

— Война! — крикнул он, почти не дыша. — Немцы... немцы на Москву пошли!

Все замерли. Даже лошади перестали дергаться.

— Чего ты городишь? — глухо сказал бригадир. — Какая война?

— Говорю вам, радио передали! Война! Город бомбят!

Поляки, мужики, женщины — все начали сыпаться вопросами, кто-то побежал к клубу, где стоял старый репродуктор. Там уже собралась толпа. Радио трещало, глухо шумело, но слова слышны были отчётливо:

«Сегодня, в четыре часа утра, без всякого объявления войны...»

У кого-то выронилось ведро. У кого-то пошли слёзы. А Лёша стоял, сжимая кулаки, будто пытаясь сдержать что-то внутри.

Мир, в котором он жил — простой, светлый, тёплый — будто рухнул в одну минуту. Всё, что вчера было обычным, вдруг стало последним: запах пыли, тёплый ветер, смех мальчишек у колодца.

Он смотрел на небо — чистое, голубое — и не мог поверить, что где-то уже стреляют, что кто-то гибнет, что и до них, может быть, дойдёт.

Бригадир подошёл, хлопнул по плечу:

— Слышал, Лёш? Мобилизируют. Наших тоже возьмут.

Лёша кивнул, но ничего не сказал.

Весь день он работал молча, будто во сне. Руки делали привычное, а мысли всё возвращались к одному: к Маше. К её смеху, глазам, словам. “Обещай...” — всплыло в голове, и от этого стало больно.

Когда солнце клонилось к закату, он бросил вилы, снял рубаху с забора и пошёл. Шёл быстро, почти бегом. Воздух был густой, горячий, и в нём чувствовался какой-то странный привкус — тревожный, как перед бурей.

Он не знал, что ей сказать. Не знал, как.

Просто знал одно — должен увидеть её. Сейчас. Пока всё ещё живо.

На дворе у Маши уже темнело. Мать ставила корову в хлев, и, увидев Лёшу, удивилась:

— Да что ж ты, Алексей, в такую пору?

— Простите, тётя Вера, — выдохнул он, — мне бы Машу... на минуту.

Она хотела что-то сказать, но взглянула на его лицо — и промолчала. Только тихо кивнула:

— В огороде она.

Он прошёл за дом, где в полумраке среди яблонь стояла Маша, в лёгком платье, босиком. Увидев его, улыбнулась:

— Лёш, ты чего? Ночь ведь уже...

— Пошли со мной, — сказал он тихо. — Пошли, я покажу тебе небо.

Она не стала спрашивать. Только кивнула и пошла за ним.

А за горизонтом небо уже темнело, окрашиваясь в странный, тревожный красный цвет.

Они вышли в степь, туда, где звёзды казались ближе, чем крыши домов.

Луна стояла высоко, круглая и белая, как будто глядела на них сверху, не мигая. Ветер стих, и только где-то вдали слышалось стрекотание кузнечиков да лай собаки у соседнего хутора.

Маша шла рядом, держа его за руку. Платье слегка колыхалось от каждого шага, а босые ноги тонули в прохладной траве. Она улыбалась — тихо, по-настоящему, той улыбкой, которой улыбаются только в юности, когда кажется, что вся жизнь впереди и ничто не может её разрушить.

— Смотри, — сказала она, показывая на небо, — будто молоко пролили.

Лёша поднял взгляд. Млечный путь пересекал всё небо — густой, сверкающий.

— Красиво, — сказал он. — Даже слишком.

— Слишком? — рассмеялась она. — Бывает “слишком” красиво?

Он пожал плечами, глядя на неё.

— Когда рядом ты — бывает.

Она опустила глаза, чтобы скрыть улыбку, но Лёша всё равно заметил, и в груди у него что-то потеплело.

Они дошли до холма, где трава была выше колена, и уселись. Маша легла на спину, глядя на луну, а Лёша — рядом, но на бок, так, чтобы видеть её лицо.

Она молчала, и он тоже. Молчание было лёгким — как дыхание.

— Лёш, — тихо сказала она, — а что там... правда, война?

Он не сразу ответил. Смотрел в небо, будто ища слова.

— Да. Говорят, немцы напали. Москву бомбят.

— А нас? — в её голосе не было страха — только детская растерянность.

— Дойдут и до нас, — сказал он просто. — Но я не дам им.

Она повернулась, смотря на него. В её взгляде отражалась луна.

— А если тебя заберут?

Он улыбнулся.

— Вернусь.

— А если не сможешь?

Он сел, облокотившись на колени, и тихо сказал:

— Тогда я всё равно тебя найду. Пусть хоть через сто лет, хоть через тысячу. Пусть даже мир другой будет — я всё равно найду.

Он говорил спокойно, уверенно, будто это не клятва, а обычный, несомненный факт. Маша слушала, затаив дыхание.

— А если забудешь? — спросила она, глядя на свои ладони.
Он рассмеялся, мягко, без насмешки.

— Такое не забывается. Сердце помнит. Даже если не тело — сердце найдёт.
Она помолчала, потом прошептала:

— Через века...

— Через века, — повторил он.

Они ещё долго сидели под луной. Маша рассказывала ему о своих детских мечтах — как хотела нарисовать небо на потолке дома, чтобы ночью казалось, будто они спят под звёздами. А он слушал, улыбался, иногда вставлял пару слов, но больше молчал, запоминая каждое движение её губ, каждый смешок, каждый взгляд.

Иногда она кидала в него колоском, он делал вид, что обижается, а потом догонял, и они падали в траву, смеясь.

Луна стояла над ними — огромная, светлая, будто глядела с нежностью, но и с грустью, которую они пока не могли понять.

Лёша лежал, глядя на небо, и тихо сказал:

— Вот бы время остановить. Только на одну ночь.

— Зачем? — спросила она, подложив руки под голову.

— Чтобы ничего не менялось. Чтобы всегда вот так. Ты, я и небо.

Маша повернулась к нему.

— А может, и не нужно останавливать. Может, главное — запомнить.

Он посмотрел на неё и улыбнулся.

— Тогда запомню.

Они замолчали. Только кузнечики всё так же стрекотали в траве, будто отмеряя время.

И где-то вдалеке — далеко за лесом, за горизонтом — на секунду мелькнула красная вспышка, тихая, далекая. Но здесь, в степи, небо оставалось чистым и лунным.

Они ещё не знали, что эта ночь станет последней их встречей.

Трава вокруг них уже напиталась ночной прохладой, и над степью поплыл лёгкий туман — редкий, серебристый, как дыхание самой земли.

Маша сидела, обняв колени, глядя на луну, а Лёша всё ещё лежал рядом, чуть прикрыв глаза. Казалось, что мир вокруг уснул, кроме них двоих.

— Знаешь, — сказала она тихо, — я ведь иногда думаю, что луна — это душа. Просто кто-то смотрит оттуда, на нас, и помнит всё, что мы делаем.

— Тогда пусть запомнит и нас, — ответил он, не открывая глаз.

— Зачем?

— Чтобы если мы когда-нибудь забудем, она напонила.
Она улыбуналась, глядя на него.

— А вдруг мы и вправду встретимся потом... где-то... после?

— Мы встретимся, — сказал он уверенно. — Даже если мир другой будет. Я всё равно узнаю тебя.

Он поднялся, и какое-то мгновение они просто смотрели друг на друга.

Всё вокруг стихло: небо — без звука, ветер — без дыхания. Даже кузнечики будто умолкли.

Маша пододвинулась ближе.

И вдруг между ними в воздухе вспыхнула крошечная искра — будто упала звезда, но не вниз, а прямо к ним.

Потом вторая.

Третья.

И вот уже вокруг, над травой, начали медленно танцевать маленькие светлые огоньки — тихие, тёплые, как дыхание ветра, как сама жизнь.

— Что это?.. — прошептала она.

— Не знаю, — сказал он. — Может, небо слушает.

Он взял её за руку, и искры будто стали ярче.

Луна светила так сильно, что края облаков засияли серебром.

И когда он склонился к ней — всё вокруг будто задержало дыхание.

Поцелуй был тихим, но в ту секунду **всё стало единым**: ветер, луна, звёзды, степь — всё соединилось в их прикосновении.

Мир не исчез, просто растворился в их чувствах, как будто всё, что было до и всё, что будет потом — лишь продолжение этого мгновения.

Маша закрыла глаза, чувствуя, как его ладони держат её — уверенно, но бережно.

И вдруг — как будто само время дрогнуло.

Воздух вокруг вспыхнул мягким светом, словно тысячи крошечных душ, пробудившихся на мгновение.

Эти огоньки закружились вокруг них — неосознанно, мягко, как снежинки, которые не падают, а плывут.

Маша не видела, Лёша не замечал — но луна видела.

Она, старая свидетельница человеческих клятв, молча запомнила всё.

И когда их губы оторвались друг от друга, над степью словно прошёл тихий звон — почти неслышный, но живой.

Звёзды дрогнули, будто кто-то коснулся неба рукой.

— Лёш... — прошептала она, — пообещай, что мы не исчезнем.
Он улыбнулся.

— Мы — не исчезаем. Мы просто ждём друг друга.
И в тот миг, когда он произнёс эти слова, последние огоньки погасли — растворились в воздухе, словно впитавшись в их души.
Ночь снова стала обычной.

Но где-то глубоко — под землёй, в небе, в их сердцах — что-то изменилось.

Они не знали, что в ту секунду **время поставило метку**.

И когда-нибудь, через десятилетия, века или целую вечность, эта метка загорится снова — напоминая, что обещания под луной не умирают.

Глава III.

Погас свет.

Весна 1943 года пришла поздно.

Зима долго не хотела уходить, и только к маю земля наконец освободилась от снега, тяжело дыша, будто человек, сбросивший с плеч ношу.

Воздух стоял густой, пах дымом, сыростью и талой водой. По обочинам дорог тянулись ручьи — звонкие, радостные, будто не понимали, что вокруг идёт война.

Маша вставала рано, раньше всех.

Пока петухи ещё только тянулись в крик, она уже стояла у колодца, завязывала косу, накидывала на плечи старенький платок и тянула ведро на верёвке.

Деревня в то время просыпалась медленно — уставшая, но живая. Где-то бухала корова, где-то хрипло лаял пёс. Дети, босые, выскакивали на улицу, смеясь так, будто не было войны, будто всё это только дурной сон.

Дом тёти Оли — матери Лёши — стоял на краю деревни, у самого оврага. Забор там покосился, крыша местами посерела от времени, но окна оставались чистыми — Маша мыла их каждую неделю.

Она приходила сюда почти каждый день: то воды принесёт, то хлеб испечёт, то просто сядет рядом, поговорит.

— Машенька, да ты себе-то когда поможешь? — улыбалась тётя Вера, встречая её у калитки.

— Себе помогу, когда он вернётся, — отвечала Маша и неизменно переходила через порог.

Она говорила это спокойно, будто о чём-то несомненном, и в её голосе не было ни тени сомнения.

Лёша вернётся. Он обещал.

В комнате, где когда-то стоял его письменный стол, теперь лежали аккуратно сложенные письма — все, что приходили с фронта. Их было немного, но Маша знала каждое наизусть. Иногда, когда тётя Вера дремала у печки, она тихонько брала одно письмо, раскрывала и вдыхала запах бумаги — сухой, чуть горький, будто впитавший пыль дорог и дым пороха.

"Здравствуй, мамка, здравствуй, Машенька... жив-здоров, не скучайте. Думаю о вас каждую ночь. Когда отзовётся весна, надеюсь что вернусь — и всё начнём сначала..."

Маша перечитывала и улыбалась.

Её улыбка была мягкой, тёплой — такой, что даже солнце, выглядывая из-за туч, будто светило ярче.

В деревне все знали: если где беда — иди к Маше.

Она подбодрит, накормит, обнимет.

Женщины тянулись к ней, дети бежали за ней по дороге.

Не потому что она была сильнее других — просто в ней горел свет. Тот самый, что зажигается в сердце человека, верящего вопреки всему.

Иногда вечером, когда они с тётей Олей заканчивали дела, Маша выходила на крыльцо.

Небо в это время уже темнело, и где-то далеко, над горизонтом, загоралась первая звезда.

— Вон, тётя Оля, — говорила она, кивая вверх. — Лёша ведь где-то там, под тем же небом. Смотрит, наверное, и думает о нас.

— Может быть, — шептала старуха, вытирая глаза концом платка.

— А я чувствую, — отвечала Маша. — Прямо тут, — она прижимала ладонь к груди. — Он жив.

И когда ветер шевелил её волосы, казалось, будто сама ночь соглашается с ней.

Однажды вечером, когда солнце уже садилось, Маша принесла из огорода ведро картошки и, садясь у печки, вдруг тихо сказала:

— Война ведь не вечная, правда?

— Конечно нет, — ответила тётя Оля, не отрываясь от пряжи.

— Вот и я так думаю. Вот кончится всё, и он вернётся. И мы свадьбу сыграем. Большую. С песнями, с хороводом. Платье у меня уже есть — мама шила когда-то. Только подшить чуть-чуть нужно.

Старуха посмотрела на неё и впервые за долгое время улыбнулась по-настоящему.

— Ты как весна, Машенька. Всё вокруг мёртвое, а ты — живёшь.

Маша тихо рассмеялась.

— А что мне делать? Он же обещал вернуться.

Она произнесла это просто, без надрыва — как произносят истину, не требующую доказательств.

И в ту ночь, когда все легли спать, Маша долго лежала без сна, глядя в окно.

Небо было ясное, полное звёзд.

Одна из них, особенно яркая, мигала прямо над домом.

Маша улыбнулась и шепнула:

— Спи спокойно, Лёшенька... я жду.

Утро началось обыденно.

Деревня жила по привычке — медленно, тускло, но жила.

Из труб поднимался лёгкий дым, в огородах копошились женщины, кто-то чистил картошку, кто-то нёс ведра к колодцу.

Скрип телеги, лай собаки, детский смех — всё звучало как всегда.
Только где-то за рекой, на дороге, показался почтальон.

Он шёл тяжело, будто ноги его налились свинцом.

Сумка на плече оттягивала ремень, и он то и дело поправлял её, словно от этого зависела жизнь.

Женщины, заметив его, притихли.

Сначала одна перестала говорить, потом вторая.

И вот уже никто не смеялся, никто не звал детей.

Даже куры на дворах стихли.
Почтальон шёл прямо, не оглядываясь.

Он не сворачивал ни к кому, не улыбался, не поднимал глаз.

Лишь иногда выдыхал тяжело, словно сам нёс не письма, а гробы.

Маша стояла у калитки дома тёти Веры. В руках у неё было ведро с водой, от которого струйка тихо стекала по земле.

Она увидела почтальона первой.

И почему-то сердце сразу кольнуло — будто знало заранее.
Он подошёл.

Остановился.

Долго молчал, глядя на свои сапоги.

Потом поднял глаза, коротко кивнул.
— Вам... — сказал он тихо.

Рука его дрожала, когда он протягивал серый, потрёпанный конверт.
Маша не сразу взяла.

Просто стояла, глядя на бумагу, будто в ней был яд.

Потом всё-таки потянулась, взяла — и ничего не сказала.
Тётя Оля вышла на крыльцо.

— Машенька, кто там?
Маша повернулась к ней медленно, как во сне.

— Письмо... от него.
Старуха подошла ближе, вытерла руки о передник, осторожно взяла конверт.

На нём — неровный штамп, потускневшие буквы: *«Погиб смертью храбрых...»*

Дальше Маша уже ничего не слышала.

Тётя Оля вскрикнула, потом осела прямо на землю, обхватив голову руками.

Из груди вырвался звук — не крик, не стон, а нечто такое, что нельзя описать словами. Этот звук подхватила вся деревня.

Сначала одна женщина закричала у соседнего дома.

Потом другая.

Потом третья.

И вскоре крик стал общим — рвущим, живым, безысходным.

Собаки завывали.

Дети, не понимая, заплакали.

Ветер замер.

Казалось, само небо над деревней треснуло от этого звука.

Деревня утонула в девчачьем горьком рёве.

Кто-то рвал волосы, кто-то бился в истерике, кто-то просто падал лицом в землю.

Казалось, что плачет каждая стена, каждая изба, каждая травинка, видевшая тех, кто ушёл.

Маша стояла неподвижно.

Её губы дрожали, но ни звука не вырвалось.

Только руки, белые от напряжения, сжимали подол платья.

Она смотрела на дорогу.

Ту самую — где они когда-то шли вдвоём, где он держал её за руку, где клялся вернуться.

Слёзы не шли.

Глаза сухие, будто сердце не разрешало плакать.

Тётя Вера уткнулась лицом в землю и всё шептала, снова и снова:

— Мой мальчик... мой родной... мой свет...

Маша подошла, опустилась рядом.

Обернула старуху руками, прижала к себе.

И только тогда, когда почувствовала её дрожь, внутри что-то оборвалось.

Из груди вырвался тихий, надломленный звук — не крик, не слово, просто дыхание, наполненное болью.

Потом другое.

И ещё.

И вдруг — словно прорвало плотину.
Она закричала.

Не по-женски, не по-человечески — как зверь, раненый насмерть.

В этом крике было всё: любовь, отчаяние, вера, разрушенная за одно мгновение.
Земля будто слышала.

Ветер поднялся, сорвал с крыльца платок, закружил пыль.

Солнце скрылось за облаком.

И на весь мир разнёсся этот глухой, страшный, безысходный плач.
Когда всё стихло, Маша стояла на коленях у обочины.

Перед ней лежал мятой конверт, и ветер осторожно переворачивал его уголки.

На небе гасло солнце, и степь уходила в серый туман.
Она подняла голову, посмотрела вдаль — туда, где когда-то расстиралось их поле, где луна освещала их поцелуй.

Всё было то же, только без него.
— Ты же обещал... — прошептала она еле слышно. — Ты же клялся...
Губы дрогнули, но больше слов не было.

Она закрыла глаза, и из них, наконец, упала первая слеза.

Одна.

Чистая, как стекло.

Она скатилась по щеке, упала на землю и впиталась в неё навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.